

рыми и посыпаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мо. 5, 45). Такое же различие между добрыми и злыми людьми Христосъ постоянно указываетъ Своимъ слушателямъ, какъ свидѣтельствуютъ Евангелия и въ другихъ мѣстахъ. „Добрый человѣкъ изъ добра го сокровища выносить доброе,—училъ Онъ (Мо. 12, 35); а злой человѣкъ изъ злого сокровища выносить злое“ (срв. Лук. 6, 45). Злыми людьми Христосъ прямо называлъ современныхъ Ему фарисеевъ: „какъ вы можете говорить доброе, будучи злы?“ (Мо. 12, 34). Въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ: „злодѣевъ сихъ предасть злой смерти, а виноградникъ отдать другимъ виноградарямъ...“ (Мо. 21, 41; Лук. 20, 16; Марк. 12, 9). Отличаетъ Господь праведниковъ отъ грѣшниковъ и въ притчѣ о страшномъ судѣ (Мо. 25, 31—46) и во многихъ другихъ мѣстахъ и притчахъ. Поэтому ясно, что учить, будто бы христианство не различаетъ между людьми добрыхъ и злодѣевъ, потому что „всѣ мы равны и братья, какъ сыны одного Отца небеснаго“,—значитъ—прямо „уничтожать весь смыслъ христианского ученія“ и стать въ непримируемое противорѣчие съ яснымъ и точнымъ учениемъ Иисуса Христа.

Такимъ же софизмомъ отличается и другое основаніе, указываемое Толстымъ противъ приведенного имъ отвѣта. „Если бы и было разрѣшено Богомъ употреблять насилие противъ злодѣевъ,—говорить Толстой¹⁾,—то никакъ нельзя найти того вѣрного и несомнѣннаго опредѣленія, по которому можно на вѣрное отличать злодѣя отъ незлодѣя“.—Итакъ, Толстому трудно отличать злодѣя отъ незлодѣя! Воля Божія, ясно выраженная въ Божественномъ Откровеніи, для него не можетъ еще быть „вѣрнымъ и несомнѣннымъ опредѣленіемъ“ того, кто злодѣй, а кто-человѣкъ добродѣтельный! Христосъ въ Своемъ учениіи еще недостаточно показалъ, гдѣ добро, и гдѣ зло! Совѣсть также не можетъ подсказать человѣку, чтѣ-хорошо, а что дурно! По учению христианскому, для людей, знающихъ волю Божію, „закономъ познается грѣхъ“ (Рим. 3, 20); для людей не знающихъ воли Божіей—совѣстю, „ибо когда язычники, говоритъ св. Ап. Павель, не имѣющіе закона, по природѣ за-

¹⁾ Ч. 1, стр. 50.